

***

Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск. 1990.
Карело-финский народный эпос. М., 1994. Кн. 2.
Народные песни Ингерманландии. Л., 1974.
Haavio M. Kirjokansi.Suomen kansan kertomaruunoutta. Helsinki, 1952.
Kuusi M. Suomen kirjallisuus. I: Kirjoittamaton kirjallisuus. Keuruu, 1963.

Н.Е. Мазалова

**«У ХЛЕБА СПОРЫНЬЮ ВЫНИМАЛА»
(ДОСТАТОК РУССКИХ КРЕСТЬЯН И КОЛДУНЫ)**

Для русских крестьян было характерно ведение натурального хозяйства, отличающееся простым воспроизводством (равенство созданного продукта потребленному). Появление дополнительного продукта, превышающего обычный прирост, воспринималось как нечто экстраординарное и настораживающее, в особенности, если в это время в другом хозяйстве происходили потери. В соответствии с представлениями традиционного общества, богатство — заданная величина; если прибавляется у кого-то, то соответственно уменьшается у другого. Эти представления соотносятся с «теорией ограниченных ресурсов» Дж.М. Фостера, принцип «постоянства суммы» основан на том, что увеличение количества неких благ в одном хозяйстве интерпретируется соседями как уменьшение их достатка. Зачастую поводом для обвинения в колдовстве какого-либо индивидуума было его быстрое обогащение и уменьшение достатка в другой семье.

Большой достаток также нередко объясняли преступлением: «Зажиточные крестьяне не все пользуются уважением, хотя с виду все относятся к ним с почтением, ... при расспросах о богачах таинственно рассказывают разные неблагоприятные истории и причины, по которым получилось богатство. “Ты не сказывай, а ведь он мужика убил, деньги-то вынул, да покойника-то головой в реку и опустил. ... С тех пор и пошел, и пошел богатеть”. Увеличить свое достояние всем хочется, но большинство только “оборачивается”, это их выражение, т.е. проживает то, что заработали» [Русские крестьяне 2004: 33].

По архаическим представлениям, колдуны обладали способностью «держат обилие», т.е. влиять на урожай и воспроизводство животных; древние волхвы «удерживали под кожей иная жито, иная мед, иная рыбу, иная белку и пр.» [Чулков 1786: 262]. Можно предположить, что в прошлом ритуальные специалисты проводили обряды, направленные на увеличение урожая и плодородия скота, а часть произведенного зерна и животных полагалась им как плата за услуги. Со временем отношение к «знающим» меня-

ется: их действия воспринимаются как несанкционированное заимствование чужого. Одним из главных «преступлений» колдунов было отбирание *спорыньи* у хлеба. Это сложное понятие: оно включает рост пшеницы или ржи, урожай зерна и то, как оно в дальнейшем расходуется и сохраняется. Понятие «спорынья» сопоставимо с жизненной силой. Колдуны отбирают спорынью у хлеба разными способами: делают *заломы*, *пережины* и т.п. Так, в Костромской губ. Нерехтском уезде «существует так называемый “пережин” полей. “Пережин” совершают только некоторые отдельные личности, глубоко верующие сил дьявола. В волшебную, страшную (как ее называют) ночь на Иванов день (24 июня) суеверная, и, вероятно, с сильным характером женщина тайно выходит из дома, снимает с себя верхнее платье. Остается в одном белье, распускает волосы, с серпом в руках и сидя верхом на коне с привязанным к нему венчиком (таким образом изображая ведьму) едет в ржаное поле. Останавливается на яме, показывающей границы поля. И если нет препятствия, т.е. ее никто не видит, с этой ямы идет по диагонали поля к другой яме, по пути срезая колосья серпом по узкой прямой линии. Читает ли она в это время что, берет ли колоски или еще что делает — пока неизвестно. Говорят, что эта женщина имеет сношения с самим духом-дьяволом и что эти духи всегда к ее услугам. Они-то будто бы после этого пережина и носят хлеб зерном с пережатого поля к ней в амбар и в этом амбаре хлеб, говорят, не убывает» (Архив Костромского объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, КМЗ КОК 45868. — Королев В.М. О народных суевериях, заговорах, обрядах. Л. 14–15).

Залом делается разными способами, один из них заключается в следующем: колдун связывает два пучка стеблей ржи или пшеницы в узел, а затем втыкает их в землю. Д.К. Зеленин, рассматривая обряд заломы, особое внимание уделяет пригибанию колосьев к земле, куда уходит вегетационная сила растений, которую колдун затем направляет с чужого поля на свое [Зеленин 1974: 72].

Урожай хлеба с поля, где сделан залом, небольшой, и он необычайно быстро расходуется: «Хлеб-то хоть на загоне оставь: никуда не годится; даже и купцы его узнают, бог его ведаёт отчего, а только так все сверху и топорщится, а спорыньи-то в нем и на грош нет» [Якушкин 1844: 35].

Человек, на поле которого был сделан залом, мог лишиться не только урожая, но и здоровья и даже жизни, если он срезал или срывал залом: «Как раз Богу отдашь, а ежели жив останешься, то так тебя изуродует, что сам на себя не будешь похож» [Там же].

Колдуньи «крадут», «уводят» молоко у коров. Так, колдунья улетает в трубу, а вернувшись, подставляет ведро и «давай рыгать

— чистая сметана льется», «молоко, зная, собрала со всех коров» [Мифологические рассказы... 1987: № 251]. В некоторых случаях колдунья на собственном дворе магическими способами «переводит» чужое молоко; например, имитирует доение коровы — «продаивает» сухую соломинку. Колдунья «отбирает» молоко у чужих коров, после чего те дают мало молока или вообще перестают доиться и, наоборот, прибавляется молоко у ее коров: «Молоко-то отбирали... У них отбирали. Дак отбирала-то, через три дома, своя, как-то имя родственница. Ну, коровы хорошо, гыт, доились. Ну, вот знают, что она бегат... Тесть-то мой пошел в сени сидеть... ружье взял... Потом видит: она — раз! — к корове. Только по двору прискочила до нас, он ее и давай убирать (бить. — Н.М.). Ну, и убрал: сопатку (лицо. — Н.М.) всю расхлестал, че-то с рукой сделал... Она вырвалась и убежала. Пришел: «Но, дескать, нашел. Наша невестка... сделала это"... Пошел к брату...: "А молодича-то где у тебя". — "Да че-то заболела. За печку залезла, стонет, не встает"... Я ему и говорю: "Да вот, брат, твоя молодича че заболела. Я ее убрал... Она не первый год и не один раз у меня, наверно, была. Корова-то у меня че не доится? Скота не могу развести-то? Во дворе застал у коровы... У меня ни скота, ни молока, ниче нет, а у тебя все ломится, а она ишшо бегат, ведьма такая"... Тот, правда, разошелся с ней. А у того пошло хозяйство» [Там же: № 198].

Колдунья магическими средствами отбирает молоко, скот, достаток у соседа-родственника, в ее хозяйстве изобилие всего, у него — недостаток. Сосед избивает колдунью, разбивает ей лицо до крови, повреждает ей руку, после этого достаток появляется у него. По народным представлениям, чтобы лишить колдуна магической силы, его нужно ударить так, чтобы выступила кровь; кроме того, кровь здесь выступает в качестве меры обмена за украденное. В русской деревне воров также нередко избивали до крови.

Колдуны наделялись способностью влиять на здоровье и приплод лошадей; так, колдунья крадет конский навоз с чужого двора, после чего начинают болеть кони у соседей: «У нас кони все время сохнут — у них взлягивают» [Там же: № 206].

Мотивировкой «перевода» достатка может служить зависть колдуни к достатку близких: «Мы у них у хозяйство было, это она любит. Но что у другого поросята хорошие растут, корова много молока дает, ну, скот хорошо держится, курицы — она не любит. Вот мы рядом жили. У нас ни коровы не стало, поросенка она загубила, всех куриц — все. А я ей против слова не говорила. А что я могу с ней. Если я с ней буду ругаться, она со мной еще что-нибудь сделает. Ведь ее материть надо, но чтобы она не слышала» [Там же: № 203].

Колдуны часть просят какие-нибудь вещи, утварь в долг, а затем не хотят расстаться с ними: «бей по рукам — не выпустит». Односельчане с одной стороны, боятся давать им что-либо в долг, поскольку через этот предмет колдуны могут навести порчу, с другой стороны, не могут им отказать в просьбе, так как это может рассердить колдуна и вызвать вредоносные действия.

В традиционном обществе отношение к колдуну сопоставимо с отношением к вору, разбойнику, которые отбирают чужое. Магические действия колдунов определяются как воровство: у коровы «молоко украли», «отбирали», «отнимали», «увели», «перевели», из хлеба «спорынью вынимали», «отнимали». Так же, как колдуна на порчу, на воровство человека подталкивает черт; так, в «Рассказе про вора. Кто его обучил воровать» черт впервые является будущему вору во сне (ср.: прохождение некоторых обрядов инициации), он же, как у колдуна, становится его помощником [Русские крестьяне 2004: 98–99].

Таким образом, воровство связывается с деятельностью нечистой силы: «Если человека поймали на преступлении, например, в краже, или убийстве, то преступник в этом случае высказывает: «Это грех меня попутал, соблазнил меня дьявол». Народ ему говорит: «Это тебя попутало, не почитал своих родителей, за то тебя Бог обличил» [Там же: 75]. Обвиняемый ссылается на влияние нечистой силы, тогда как окружающие объясняют его поступки невыполнением норм общества, например, непочтительным отношением к родителям.

В народном сознании различаются понятие «грех» и «преступление»: «Простонародье понимает преступление то, например, кражу, убийство, грабеж на дороге, поджог какого-нибудь дома или деревни. Это не различают преступлением [если] кого-нибудь обманет, обвесит какой-нибудь торгаш или кто у кого перекосит или пережнет, или в чужом лесу срубит дерево, даже в казенном месте. Это считается, что есть грех, да Бог простит» [Там же: 73]. В приведенном примере пережин имеет другое значение: заимствование незначительной части зерна с чужого поля. Деяния колдунов, направленные на лишения плодородия земли и скота, относятся к числу «смертных» грехов, так, например, в духовном стихе:

«Из чужих мы коров молоко выдавали,

Мы из хлеба спорынью вынимовали»

[Афанасьев 1994:501].

Они считаются более тяжкими, чем самые страшные преступления, например грабеж и убийства, которые совершают разбойники, поскольку те могут покаяться и отмолить свои грехи; колдуны, как правило, умирают без покаяния, потому что еще при жизни продали душу дьяволу.

***

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 3.
Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография М., 1974.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост.
В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического
бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губ. СПб., 2004.

Чулков М.Д. Абевага русских суеверий. М., 1786.

Якушкин. Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их
действиях (Записанные в Малоархангельском уезде) // Московитянин.
1844. Ч. IV. № 12.

Е.А. Окладникова

СНОЛОВКА ЧИПШЕВЕЙ КАК ОБЪЕКТ ТРАДИЦИОННОЙ И СУВЕНИРНОЙ КУЛЬТУР

Сегодня на сувенирных развалах в ларьках у станций метрополитена, на импровизированных рынках Москвы, в сувенирных лавках Санкт-Петербурга идет активная торговля разнообразными экзотическими сувенирами, ассортимент которых с недавнего времени пополнился сноловками. На вопрос докучливых покупателей о том, откуда привезен этот вид сувенирной продукции, продавцы отвечают: «Из Китая». Правда, некоторые после уточняющих вопросов начинают вспоминать индейцев Северной Америки.

Настоящая статья является опытом сравнения комплекса зафиксированных этнографических представлений охотников и собирателей американской Субарктики, связанных со сновидениями, и реконструктивных материалов, также связанных со сноловкой, распространенных в системе сувенирной этнической деятельности.

Сноловка — это один из типов этнографических предметов, который в XIX — начале XX в. использовался чипшевей в культовой практике и относился к разряду амулетов. Согласно наблюдениям американских антропологов, сноловки являются аутентичными объектами традиционной культуры оджибве (чипшевей) [Densmore 1929].

В конце XX в. сноловка становится одним из наиболее широко распространенных знаков-символов паниндейского движения, наравне с куклами-качинос, томагавками, перьевыми головными уборами и т.п. В 1960–1970-е гг. в Америке сноловка так называемого атапасского типа становится символом не только паниндейского движения, но и неошаманизма и «общества Большого шаманского колеса» [Hagan 1992]. В результате распространения сноловки оджибве (чипшевей) и атапасков в качестве символа паниндейского движения атапасский тип сноловки приобретает популярность в качестве объекта народных промыслов в среде индейцев чиро-